

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБСУЖДЕНИЯ ВЕРИФИЦИРУЕМОСТИ НА ЗАСЕДАНИИ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА *

Оглезнев Виталий Васильевич – доктор философских наук, доцент. Профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9; e-mail: ogleznev82@mail.ru

В статье подробно рассматриваются и тщательно разбираются аргументы участников симпозиума «Верифицируемость», который состоялся в Лондоне 14 июля 1945 г.: шотландского философа и теолога Дональда Маккиннона, австрийского логика и математика Фридриха Вайсмана и английского логика и философа науки Уильяма Нила. Подход Маккиннона к верифицируемости был основан на метафизике факта, а Вайсмана и Нила на семантической специфике эмпирических понятий («открытая текстура» и контекст употребления) и на истинностной оценке эмпирических высказываний. Рассматриваемый симпозиум интересен прежде всего тем, что он является последним значимым обсуждением понятия верифицируемости в том виде, в каком она понималась Венским кружком. Несмотря на то, что в последующие годы это понятие получило совершенно иную интерпретацию, значительно отстоящую от оригинального источника, симпозиум 1945 г. можно по праву считать каноническим обсуждением верифицируемости в том смысле, что после него ничего подобного больше не происходило.

Ключевые слова: Аристотелевское общество, верификация, эмпирические высказывания, значение, знание, язык

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL RECONSTRUCTION OF THE DISCUSSION ON VERIFIABILITY AT THE MEETING OF THE ARISTOTELIAN SOCIETY

Vitaliy V. Ogleznev –
DSc in Philosophy,
Associate Professor.
Professor.

The article presents a detailed consideration of the arguments from the symposium “Verifiability”, which was held on July 14, 1945 in London, proposed by Scottish philosopher and theologian Donald MacKinnon, Austrian logician and mathematician Friedrich Wais-

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>

Tomsk State University.
36 Lenin Ave., 634050 Tomsk,
Russian Federation.
Professor.
Saint Petersburg State
University.
7-9 Universitetskaya Emb.,
199034 Saint Petersburg,
Russian Federation;
e-mail: ogleznev82@mail.ru

mann and English logician and philosopher of science William Kneale. MacKinnon's approach to verifiability was based on the metaphysics of fact, while Waismann and Kneale's approach was based on the semantic specificity of empirical concepts ("open texture" and context of use) and on the truth-values of empirical propositions. The symposium in question is interesting primarily because it is the last meaningful discussion on the concept of verifiability in the form in which it was understood by the Vienna Circle. Despite the fact that, in the coming years, this concept received a completely different interpretation, which stands away from the original source, the 1945 symposium could be rightfully treated as a canonical discussion on verifiability in the sense that nothing like this has ever happened in the philosophy after.

Keywords: Aristotelian society, verification, empirical propositions, meaning, knowledge, language

Введение

К середине 1940-х гг. обсуждение верифицируемости, особенно в контексте дискуссий о значении (или смысле) высказываний и о границах фактического знания, себя практически исчерпало, хотя сама природа этого понятия оставалась по-прежнему не проясненной. Поэтому участники состоявшегося в Лондоне 14 июля 1945 г. симпозиума «Верифицируемость» [MacKinnon, Waismann, Kneale, 1945, p. 101–164] намеревались не просто обсудить, но предложить новую интерпретацию верификации, которая учитывала бы недостатки предыдущих версий и преимущества современных им подходов. В дискуссии приняли участие шотландский философ и теолог Дональд Маккиннон, австрийский логик и математик Фридрих Вайсман и английский логик и философ науки Уильям Нил, а в роли модератора выступил профессор Эдинбургского университета, политический философ Гарри Эктон.

Однако подлинный интерес к этому мероприятию заключается не только и не столько в предмете самого обсуждения, и даже не в характере аргументов участников и в способах отстаивания ими своей позиции. Хотя формат обсуждения, действительно, был привлекательным¹: с «застрельным» докладом выступил метафизик Маккиннон, а с критическими замечаниями логики и аналитические философы Вайсман и Нил. Что позволяет рассматривать эту дискуссию скорее как некое противостояние метафизики и аналитической философии

¹ Отрадно, что такая форма панельного обсуждения, будучи характерной чертой симпозиумов Аристотелевского общества, все больше проникает в отечественную академическую философию. И сегодня на страницах философских журналов достаточно часто можно встретить подобного рода дискуссии (особенно в журналах «Эпистемология и философия науки» и «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология»).

в миниатюре. Наибольший интерес вызывает то, что этот симпозиум был одним из последних значимых обсуждений верифицируемости в том виде, в каком она понималась Венским кружком. И хотя в последующие годы это понятие получило совершенно иную трактовку, значительно отстоящую от оригинального источника, симпозиум 1945 г. остается все же образцовым обсуждением.

Метафизический эвиденциализм Дональда Маккиннона

Аналитический поворот в британской философии ощутили на себе многие и даже те, кто не относил себя к аналитическим философам. Одним из них был шотландский теолог и философ Д. Маккиннон, философские взгляды которого очень точно и тонко описал П. Сэдживик: «Маккиннон всегда был увлечен поисками метафизики, которая смогла бы выйти за пределы языка и найти в фактичности вселенной нечто большее, чем позволял логический эмпиризм... Он перенес теологию в мир истории и социальной науки, но сделал это не просто для доказательства существования моральных проблем, а, скорее, для переосмысления метафизических дискуссий в свете морали. Его интересы всегда оставались скорее метафизическими, нежели этическими, что сказывалось на развиваемой им теологии» [Sedgwick, 2005, p. 185].

Наиболее отчетливо смена философской парадигмы (перенос акцента с онтологии на эпистемологию) проявилась, по мнению Маккиннона, в проекте редукционизма Венского кружка, когда «“редукционизм” был переопределен как эпистемологическая программа, направленная на завершение работы Эрнеста Маха по формулированию дескриптивной, радикально эмпирической концепции науки, стремящейся исключить из научных теорий любое допущение о ненаблюдаемом как метафизическую бессмыслицу» [MacKinnon, 1991, p. 52].

«Переопределение» редукционизма потребовало разработки новых критериев осмысленности высказываний. По замыслу Венского кружка, принцип верификации, будучи одним из таких критериев (причем наиболее важным), должен был рассматриваться в качестве демаркационной линии, отделяющей научные теории от метафизических. Но если условия истинности могут быть сформулированы исключительно с помощью «специальных наук», все остальные высказывания (например, морали, религии или эстетики) являются в лучшем случае «пищей для психологического анализа или эстетического выражения» [Bowyer, 2021, p. 73]. Маккиннона такой подход совершенно не устраивал. В силу своих философских взглядов он

не мог согласиться с язвительным высказыванием А. Айера, что «уделом метафизика или теолога отныне становится лишь плодить бессмыслицу» [Ayer, 1937, p. 151]. Возможно, поэтому основным докладчиком рассматриваемого симпозиума был именно Маккиннон, который не просто высказал свои претензии редукционизму, но и предложил его оригинальное «переопределение».

Логические позитивисты, по мнению Маккиннона, далеко не продвинулись в обсуждении проблем верификации, поскольку «не хотели связываться с более фундаментальными вопросами, касающимися самого понятия верификации» [MacKinnon, 1945, p. 101]. И прежде всего потому, что «принцип верификации, как и большинство положений эпистемологии, не применяется сам по себе, его эффективность в значительной мере зависит от того, в какой степени он выражает ощущаемые нами недоумения по поводу определенных утверждений, например, тех, которые составляют основу традиционной метафизики» [Ibid., p. 102]. Задача сторонника верификационизма, считает Маккиннон, заставить усомниться в необходимости и уместности использования метафизических утверждений с помощью специального метода – «эвиденциалистского предположения» (*evidentialist assumption*), что «в содержании высказывания нет ничего, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [Ibid.]. Для Маккиннона это не просто метод, а особая разновидность верификационизма. Такая трактовка, как мы далее увидим, вызвала у его оппонентов обоснованные претензии.

«Эвиденциалистское предположение» основано на идее тождественности значения высказывания и его обоснования (*ground*), и к тому же является одним из аспектов *Esse est percipi* Беркли. Беркли считал, что материальные вещи не могут существовать без восприятия, они суть чувственно воспринимаемые объекты. Иными словами, подтвердить или установить существование вещи можно лишь ее чувственным восприятием. Если вещь не воспринимаема, значит ее не существует. Как это установить? Ответ Беркли – посредством опыта, который как раз и позволяет отличить реальное от иллюзорного. Маккиннон, не соглашаясь в целом с философией Беркли, все же его позицию разделяет, поскольку так же считает, что «различие реальности и иллюзии должно корениться в опыте» [Ibid., p. 103]. Между *Esse est percipi* и маккинновским эвиденциализмом, действительно, просматривается некая аналогия. Если мы утверждаем, что материальный объект или физический процесс существует или является реальным, то мы должны быть способны его воспринимать. Если мы его не воспринимаем, то его реальность выходит за пределы наблюдаемого мира, и для нас он перестает что-либо значить.

Для верификационизма, полагает Маккиннон, философские проблемы есть эпистемологические проблемы, где основным предметом

анализа является «контекст субъект-объектного отношения». Но это ложный путь, поскольку рано или поздно, если придерживаться этой точки зрения, придется признать, что «ответ на вопрос, что позволило нам говорить, что то-то и то-то имело место, является как будто бы ответом на просьбу проанализировать то, о чем мы говорим, когда говорим, что то-то и то-то имеет место» [Ibid., p. 104]. И выйти из этого затруднения, по мнению Маккиннона, не позволяет ни обращение к обоснованию высказывания о факте, ни к его значению. Ибо какой бы гибкой ни была интерпретация такого обоснования или значения, если мы придерживаемся верификационистской позиции, то необходимость их тесной связи нас все равно приведет к заблуждению, и в результате у нас сформируется убеждение, что содержание высказываний о факте можно анализировать с точки зрения различий, проявляющихся в наблюдаемом мире [Ibid., p. 105].

Но вины верификационизма в таком примитивном понимании цели философского анализа нет, успокаивает Маккиннон. Конечно, «контекст субъект-объектного отношения» важен, но что более важно, так это то, в каких терминах это отношение выражается в языке. Отсюда следует, что истинная цель философского анализа, по Маккиннону, двойка – с одной стороны, такой анализ направлен на сохранение убедительной силы наблюдения, а с другой стороны, на освобождение от ложного представления, что даже если высказывание о реальном мире и кажется выходящим за пределы наблюдения, то когда мы научимся понимать, что именно мы говорим и что позволяет нам это говорить, мы увидим, что оно таковым не является. Однако верификационизм, полагает Маккиннон, часто этот важный момент упускал из вида. В результате ошибочно признавалось, что эластичность языка не допускает других средств установления фактов, кроме ощущений и интроспекции: «Верификационизм стремился с помощью аналитических методов доказать, что никакие другие методы, помимо наблюдения, не позволяют раскрыть природу мира» [Ibid., p. 106]. А значит, процесс познания вполне можно редуцировать до серии верификационных актов, где знание о фактах приобретает лишь посредством наблюдения и индукции [Ibid.; MacKinnon, 1974, pp. 33–34].

Но даже если допустить, что факты устанавливаются лишь посредством наблюдения, все же нельзя игнорировать то, что именно наблюдение позволяет ответить на вопрос познающего субъекта. Ведь вопрос придает осмысленности наблюдению, которое в свою очередь придает осмысленности верификации. Вывод Маккиннона – «верификация есть не что иное, как чувственно воспринимаемое событие» [MacKinnon, 1945, p. 107]. Хотя понятно, что не всякое наблюдение, устанавливающее факты, следует рассматривать как верификацию. В повседневной жизни мы, действительно, часто высказываем и проверяем суждения или задаемся вопросами. Все это мы

делаем на основании наблюдения. Когда же речь заходит о познании окружающего мира, наш перцептивный опыт ведет себя несколько иначе, он начинает превалировать над наблюдением. Маккиннон объясняет это так. Я знаю, например, что пол в моей комнате достаточно прочный, чтобы меня выдержать. Здесь нечего верифицировать. Если кто-нибудь в этом усомнится, то в качестве подтверждения я могу сослаться на свой опыт. И уж затем, если понадобится, обратиться к наблюдению, которое убедительно подтвердит мое утверждение [Ibid., pp. 107–108].

В контексте этого рассуждения для Маккиннона более важен другой вопрос: как истина и ложь связаны с опытом и верификацией? Возьмем высказывание о факте: «У меня в руке шариковая ручка». Когда мы говорим, что оно истинно, что мы тем самым хотим сказать? Оно согласуется с фактом. Но что такое «факт», помимо *события*, что я держу шариковую ручку? Ничего, отвечает Маккиннон, потому что используемый язык не позволяет рассматривать «мир фактов как копию мира событий» [Ibid., p. 108]. Отсюда следует, что употребление слова «факт» связано с мышлением в том смысле, что для его правильного употребления следует отличать истину от лжи, «этого требует сама *грамматика* слова “факт”» [Ibid.].

Постулируемая Маккинноном связь мышления и факта приводит его к главному выводу, что восприятие есть нечто большее, чем верификация, а значит, верификация – лишь чувственно воспринимаемое событие. И то, что мы можем соотносить истину и ложь с опытом, эту точку зрения лишь подтверждает. Важны только условия, которые позволяют сначала поставить вопрос, имеет ли место то-то и то-то, а затем на него ответить, или, используя иную формулировку, которые позволяют сначала выдвинуть эмпирическое высказывание, а затем его подтвердить. По мнению Маккиннона, все это вряд ли можно назвать верификацией. Например, я знаю, что лучи солнца падают на лист бумаги, на котором я сейчас пишу. Описывать это состояние знания как верификацию высказывания, что светит солнце, значит нивелировать или просто игнорировать различие между знанием и верификацией. В лучшем случае это будет лишь признанием того, что солнце действительно светит, а значит – только подобием верификации, но никак не познавательным средством [Ibid., p. 110].

Как установить объективность факта? Процесс познания, полагает Маккиннон, не может и не должен сводиться лишь к различию эмпирического и априорного. Из того, что мы знаем, чем дедукция отличается от индукции, а восприятие от памяти, не следует, что мы знаем, чем эмпирические истины отличаются от априорных. Они не должны противопоставляться. Скорее, наоборот, они, будучи функционально различными, дополняют друг друга: «Нельзя игнорировать характер акта, в котором эмпирическое и априорное сливаются

воедино, – развитие мира как умопостигаемого объекта сознания» [MacKinnon, 1945, p. 117]. Отсюда вывод, что развитие человеческого знания – это своеобразный процесс, не похожий ни на один вид естественного процесса. С одной стороны, он структурно дифференцирован, но, с другой стороны, характеризуется единством цели. При этом он не отрицает своих ограничений, «противопоставляя свою абстрактную и дискурсивную активность более широкому пониманию реального» [Ibid.].

Лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана

В роли первого оппонента Маккиннона выступил Ф. Вайсман, представитель аналитической философии и бывший член Венского кружка. В своем докладе он не просто выдвинул критические аргументы против подхода Маккиннона, но предложил свою трактовку верификационизма, которая со времен Венского кружка претерпела серьезные изменения, и обрисовал теорию многоуровневой структуры языка, – теорию, которую он будет развивать в последующие годы [Вайсман, 2018; Оглезнев, Суровцев, 2018].

Впервые идею о том, что «смысл предложения (*the sense of a proposition*) есть способ его верификации» (более известный как принцип верификации), Вайсман высказал в 1930 г. в статье “A Logical Analysis of the Concept of Probability” [Waismann, 1977a]. Возможным ее источником, по-видимому, была идея раннего Витгенштейна, что «смысл предложения (*the sense of a proposition*) есть его согласование или несогласование с возможностями существования и несуществования атомарных фактов» [Витгенштейн, 2017, с. 102], которая оказала на членов Венского кружка сильное влияние (не только на Вайсмана, но, например, на Карнапа [Carnap, 2003]). Установить такое согласование, по мнению Вайсмана, достаточно просто: «Если нет возможности установить, при каких условиях предложение будет истинным, то оно бессмысленно; ибо смысл предложения есть способ его верификации... Высказывание, которое не может быть окончательно верифицировано, вообще не верифицируемо» [Waismann, 1977a, p. 5].

До анализируемого симпозиума Вайсман к проблеме верификации обращался довольно часто. Вот что он, например, пишет в статье “Hypotheses” 1936 г.: «Мы говорим, что понимаем смысл предложения (*the sense of a proposition*) только тогда, когда знаем, при каких обстоятельствах оно истинно или ложно. Но этот тезис требует уточнения: обстоятельства, упомянутые в этом критерии, всегда должны быть доступны наблюдению и демонстрации» [Waismann, 1977b,

р. 58]. Именно с этой статьи начинается постепенное дистанцирование Вайсмана от верификационизма Венского кружка. Он приходит к выводу, что гипотезы могут быть выражены и неверифицируемыми предложениями, но при этом быть вполне осмысленными. Действительно, предложение «Розовый ближе к красному, чем к черному» не лишено смысла, хотя не является ни высказыванием о факте, ни предложением наблюдения.

Но на симпозиуме «Верифицируемость» Вайсман развивает совершенно иной подход: «Верифицировать предложение значит показать, как его использовать, выражаясь более точно, объяснить верификацию предложения значит внести вклад в его грамматику» [Waismann, 1945, р. 120]. Это очень напоминает концепцию уже позднего Витгенштейна «значение как употребление», где значение – это то, как языковое выражение употребляется в различных языковых играх. Вайсман же объясняет это несколько иначе. Например, сказать, что в результате эксперимента установлено, что алюминий при нагревании расширяется, значит описать верификацию высказывания «Алюминий при нагревании расширяется» в терминах эмпирического подтверждения, и тем самым показать, как оно используется. Но является ли эмпирическое наблюдение условием осмысленности высказываний? Нет, отвечает Вайсман, потому что «эмпиризм не является дедуктивной системой, основанной на принципе верификации» [Ibid., р. 134].

В обычной жизни мы потому понимаем предложения, не особо задумываясь о способе их верификации, что понимаем слова, из которых они состоят, а также их грамматическую структуру. Если предложение понятно, его верифицировать не имеет смысла. Вопрос верификации, считает Вайсман, возникает лишь тогда, когда нарушается привычная комбинация слов, когда их употребление отклоняется от грамматических правил. Если кто-то говорит: «Моя собака любит играть», то вряд ли мы попросим это подтвердить. А вот если нам вдруг скажут: «Моя собака любит думать», то мы непременно потребуем объяснений, подтверждений или результатов наблюдений. «В подобного рода случаях, – пишет Вайсман, – объяснить верификацию значит объяснить значение, а изменить верификацию значит изменить значение. Нет сомнений, что значение и верификация тесно связаны» [Ibid., р. 120].

Феноменалистская трактовка верификационизма игнорировала эту связь, продолжая настаивать, что любое когнитивное высказывание можно понять в терминах чувственных данных [Shapiro, 2006, р. 210]. Но «неспособность феноменализма свести высказывания о материальных объектах к высказываниям о чувственных данных заключалась не в ограниченности языка, в котором, как предполагалось, просто отсутствуют необходимые выразительные средства для описания мельчайших деталей чувственного опыта, и не в *бесконеч-*

ности комбинаций высказываний о чувственных данных, а в том, что никогда не учитывался очень важный и очевидный момент, – “открытая текстура” (*open texture*) большинства эмпирических понятий» [Waismann, 1945, p. 121]. Именно открытая текстура, будучи одним из основных свойств эмпирических понятий, не позволяет нам окончательно верифицировать эмпирические высказывания. Следовательно, объяснить высказывание о материальном объекте в терминах чувственного опыта возможно только в том случае, если понятия, из которых оно состоит, были бы полностью определены [Ibid., p. 124]. Но из-за их открытой текстуры этого сделать невозможно.

Другой и более фундаментальной причиной провала программы феноменализма, по мнению Вайсмана, выступала «неполнота эмпирического описания» [Ibid.]. И это, пожалуй, самый важный вывод Вайсмана, лежащий в основании его интерпретации верификационизма. Предположим, что надо описать свою правую руку. Как это сделать? Можно указать на ее форму, размер, цвет кожи, анатомическое строение и т.п. Но как бы мы ни старались, наше описание будет неполным, поскольку, по крайней мере, с точки зрения логики, его всегда можно расширить, добавляя все новые и новые признаки: «Любое описание, так сказать, простирается до горизонта открытых возможностей: как бы далеко я ни зашел, этот горизонт всегда будет передо мной» [Ibid.].

«Неполноту» здесь следует понимать по меньшей мере в двух смыслах. Во-первых, что невозможно завершить описание материального объекта или ситуации, и во-вторых, что есть вероятность, что могут появиться детали или обстоятельства, которых мы просто не предвидели или не могли предвидеть. Последнее допущение предполагает, что мы должны либо заранее располагать всеми эмпирическими данными, даже теми, которые не можем предвидеть, либо пересматривать интерпретацию исходных фактов в свете нового открытия или новых обстоятельств [Ibid., p. 127]. Неполнота при таком подходе становится необходимым свойством эмпирического знания [Baylis, 1947, p. 101].

Такая трактовка верификации существенно отличается от той, которая была характерна для Венского кружка. Взгляды Вайсмана изменились. Теперь он считает, что при верификации эмпирических высказываний непременно следует учитывать как неполноту эмпирического описания, так и открытую текстуру понятий. Все это приводит его к антиредукционистской позиции, что высказывание о материальном объекте нельзя свести к высказыванию о чувственных данных, потому что они принадлежат к разным языковым слоям, у которых разная логика: «Каждый слой имеет свою логику... Если мы внимательно изучим точную структуру такого слоя, т.е. текстуру его понятий, значение истины, систему верификации и т.д., мы мо-

жем таким образом прийти к описанию предмета» [Вайсман, 2018, с. 227–228; Waismann, 1945, p. 124].

Идею, что каждое высказывание принадлежит определенному языковому слою и имеет свою собственную логику в указанном выше смысле, Маккиннон назвал «принципом эпистемологического плюрализма» [MacKinnon, 1945, p. 102], а Вайсман – требованием «многоуровневой теории языка» [Waismann, 1945, p. 133]. Этот момент указывает не столько на расхождение взглядов оппонентов на верификацию, но сколько на их совершенно разное понимание эмпиризма и феноменализма. Вайсман не считает, что эмпиризм покоится на «фундаментальном предположении», что «в содержании высказывания нет ничего, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [MacKinnon, 1945, p. 102]. И хотя он соглашается с тем, что содержание высказывания и его верификация определенным образом связаны (что показал эмпиризм), но описывает эту связь в иных терминах. В отличие от Маккиннона, Вайсман считает, что доказательство верифицируемого высказывания надо рассматривать не как то, что его подтверждает или опровергает, но как то, что его усиливает или ослабляет [Waismann, 1945, p. 128].

Разъяснив свое отношение к верификационизму и принципу (способу) верификации, Вайсман переходит к критике подхода оппонента. Маккиннон, разделяя в целом позицию Беркли, все же сомневается, что «чувственное восприятие может быть основой познания реальности или служить предпосылкой наших индукций» [MacKinnon, 1945, p. 112], объясняя это тем, что наше стремление находить причинные связи обусловлено самой природой нашего понимания. Происходит ли то же самое в мире фактов? Если ответ утвердительный, то установить причинные связи можно только между тем, что признается реальным. Но признается ли реальным случайное и прерывистое? Маккиннон это допускает, потому что считает, «что на фоне относительной стабильности любая случайность становится узнаваемой» [Ibid., p. 113]. Но даже такое допущение не отменяет его исходной, по сути, детерминистской позиции, что причинные связи можно установить только между реальными (т.е. неслучайными и непрерывными) объектами.

Вайсман с этим не соглашается и в качестве примера приводит мир квантовой механики, где «события происходят без всяких на то оснований» [Waismann, 1945, p. 135]. Удачный пример. Квантовые явления, действительно, заставили физиков пересмотреть прежние представления о причинности. В частности, было установлено, что «судьба отдельного электрона не подчиняется законам причинности, эта частица может свободно перемещаться, например, “отпрыгивать” при столкновении со световыми волнами; но поведение электронов статистически предсказуемо» [Ibid., p. 136]. Вайсман не предлагает отказаться от принципа причинности, но лишь показывает, что

может ограничиваться его применение. Нарушения принципа причинности применительно к микрообъектам не наблюдается, поскольку в квантовой механике понятие состояния микрообъекта приобретает иной смысл, чем в классической механике. Описание движения частицы в квантовой механике является в лучшем случае правдоподобным: «На основании этой теории мы можем сделать лишь *правдоподобные утверждения* относительно положения частицы в пространстве в данный момент времени» [Waismann, 1945, p. 136]. Следовательно, «квантовая механика не является ни каузальной теорией детерминистского типа, ни индетерминистской теорией» [Ibid., p. 137], напротив, она обладает свойствами и той, и другой. Но важно здесь не то, является ли квантовая механика истинным описанием реальности материального мира, а то, что такое описание в принципе возможно. А если оно возможно, то «случайное и прерывистое» вполне оказывается реальным и объективным, по крайней мере, в квантовом мире.

Далее Вайсман переходит к анализу контекстов употребления таких часто используемых Маккинноном понятий, как «реальность», «знание», «существование» и производные от них. Основная проблема Маккиннона, считает Вайсман, состоит в том, что «он рассуждает так, как будто бы существует то, что определенно можно было бы назвать “реальным” или “актуальным”, и одной из задач философии является их точное определение» [Ibid., p. 140]. Но, конечно же, это не так. Вместо безуспешных попыток ответить на вопрос «Что *есть* реальность?» следует рассматривать разные контексты употребления слова «реальность», разные языковые игры. Например, «Реально ли магнитное поле?», «Реальна ли энергия, энтропия?», «Реальна ли индивидуальная память?» и т.д. На подобного рода вопросы нельзя ответить в формате «да» или «нет», потому что в языке «нет фиксированных правил, устанавливающих, как это слово следует употреблять» [Ibid.]. Такие слова, по мнению Вайсмана, обладают «систематической двусмысленностью», т.е. огромным числом значений, но при этом возможные варианты их употребления обладают некоторым «семейным подобием» (*family likeness*). Поэтому, прежде чем пытаться ответить на вопрос вроде «Каковы необходимые условия познания реальности?», надо сначала выяснить, а что такое «познание» и «реальность», и как они связаны с фактами.

Познание связано с фактами в том смысле, что последние образуют эмпирическую основу для выдвижения гипотез и создания научных теорий. Но мир фактов, по мнению Вайсмана, не следует противопоставлять миру слов, с помощью которых факты выражены. Сам язык не позволяет этого сделать. «Можно было бы сказать, – пишет Вайсман, – что мы знаем синий, но само это знание имеет отенок, оно окрашено языком... В этом смысле язык, действительно, оказывает влияние на знание фактов, которое проявляется в том,

что факты, так сказать, ведут себя по-разному» [Waismann, 1945, p. 145]. Фразу, что «знание [фактов] окрашено языком» следует понимать так, что факты не существуют вне или помимо языка. Ошибочно полагать, что они объективны, независимы от того, как мы их воспринимаем. Следовательно, их *существование* не метафизическое, как считал Маккиннон, а лингвистическое. Факты тогда становятся «реальными», когда они облачаются в языковую форму [Waismann, 1945, p. 147]. Поэтому реальность не может состоять из фактов в том смысле, в каком растение состоит из клеток, дом из кирпичей, а камень из молекул. То, как мы интерпретируем реальность, и средства самой интерпретации как бы уже присутствуют в языке, например, в форме понятий (вещи, причинности, числа и т.д.). Язык не «создает» факты, но участвует в их «формировании», «отображении» [Ibid., p. 148]. Облачая факты в слова, язык *делает* их реальными, а значит, верифицируемыми. Это и есть, пожалуй, главная идея реплики Вайсмана.

Эмпирический верификационизм Уильяма Нила

В роли второго оппонента Маккиннона выступил оксфордский логик и философ науки У. Нил. Доклад Нила был менее многословным, по сравнению с Вайсманом, но его критических замечаний оказалось достаточно, чтобы не просто поставить точку в обсуждении проблемы верификации, но и показать, насколько глубокой является пропасть между метафизикой и аналитической философией, и как принципиально расходятся взгляды оппонентов на предмет обсуждения. Нил полагает, что участники дискуссии просто по-разному понимают природу и эпистемологическое значение верификации, по-разному интерпретируют процесс и результат верификации, и, наконец, по-разному оценивают ее место в системе познавательных средств.

Основная проблема Маккиннона, по мнению Нила (и в этом с ним следует согласиться), заключается в том, что он просто не понимает, что те философы, которые считают, что «значение высказывания (*the meaning of a statement*) есть способ его верификации» [Kneale, 1945, p. 152], выражаются лишь метафорически. Конечно же, они не воспринимают буквально, что значение высказывания *есть* способ его верификации, ибо есть много высказываний, которые обладают значением, не будучи при этом верифицированными, например, «Я голоден». В этом Нил солидарен с Вайсманом, который рассматривал схожую ситуацию – пример гипотезы. Выражение «способ верификации», как оно используется в обычном языке, может применяться ко многим вещам, не имеющим никакого отношения

к значению верифицируемого высказывания. Но как тогда эту метафору понимать? Нил полагает, что философы, которые руководствовались ей как принципом, хотели показать, что «ни одно выражение не является осмысленным высказыванием о реальном мире, если опыт, какой только можно себе представить, не подтверждает его истинность или ложность» [Kneale, 1945, p. 153]. Их целью было разработать правило, позволяющее отделить осмысленное от бессмысленного, и с его помощью избавиться от псевдovoпросов, которые долго беспокоили многих философов. Поэтому обращение к верификации было, так сказать, неизбежным.

Нила, как и Вайсмана, не устраивает эвиденциалистская трактовка верификационизма [MacKinnon, 1945, p. 102]. Он предлагает рассматривать эвиденциализм скорее как общую теорию содержания высказываний, которое, так сказать, обосновывается с помощью опыта, а не как теорию или принцип верификации [Kneale, 1945, p. 154]. Для этого верификацию высказывания следует отличать от его обоснования (*justification*). И хотя это различие может показаться тривиальным, оно, по мнению Нила, позволяет прояснить (и/или скорректировать) позицию Маккиннона. Его можно уподобить различию между тем, кто верифицирует высказывание, обращаясь к опыту, и тем, кто нечто утверждает на основании опыта, не задумываясь об истинности или ложности такого утверждения. В первом случае обращение к опыту как бы формирует высказывание (помимо его утвердительного или отрицательного характера), во втором – утверждение обосновывается интересом, особым психологическим отношением к происходящему. Но из этого вовсе не следует, полагает Нил, что эмпирическое знание приобретает только с помощью опыта: «Интрoспекция показывает, что значительную часть эмпирических знаний мы приобретаем без каких-либо сознательных усилий» [Ibid.].

Маккиннон, напротив, заявляет, что разные эмпирические высказывания обосновываются опытом по-разному. Он объясняет это весьма туманным образом, отмечая, что обоснование – это сложный процесс, ведь мы заранее не располагаем фактами, которые соответствуют высказываниям. Поэтому нельзя сводить обоснование к указанию на установленный факт, которому высказывание может соответствовать. Посредством опыта мы можем лишь эти факты обнаружить. Но Нил снова сомневается, что все это имеет отношение к верификации. И даже обращение Маккиннона к априорному знанию не спасает его идею обоснования эмпирических высказываний с помощью опыта. Ибо для него априорное знание – это знание форм, которыми факты должны обладать. Возможно ли такое знание? И связано ли оно с пониманием? Ответ Нила отрицательный. Есть такие высказывания, которые можно обосновать с помощью опыта, так сказать, напрямую, т.е. неиндуктивно. В подтверждение он приводит очень интересный пример [Ibid., p. 158].

Про лицо знакомого мне человека я могу сказать следующее: (1) я вижу почти овальную форму преимущественно розового цвета, (2) передо мной человеческое лицо, (3) я вижу улыбку. Вроде бы эти три высказывания можно обосновать с помощью одного и того же опыта. Но обычно говорят, отмечает Нил, что только первое из них является высказыванием о том, что *я действительно знаю*, тогда как второе и третье – это лишь гипотезы, которые по своей природе являются либо иррациональными, либо правдоподобными. Проблема такого подхода, по мнению Нила, состоит в том, что на употребление слова «знать» часто накладываются произвольные и неразумные ограничения. Например, скульптуры в Музее мадам Тюссо очень реалистичны. И нет ничего удивительного в том, что человек может ошибаться, что перед ним человеческое лицо, глядя на одну из них. Эта ошибка вряд ли будет фатальной, в том смысле, что ошибка в простом математическом вычислении не будет фатальной для всей математики. Конечно, люди могут иногда ошибаться. Поэтому заявлять, что второе и третье не являются высказываниями о фактах, которые мы не можем знать, по меньшей мере неправдоподобно: «Очевидно, что первое высказывание, сформулированное в терминах чувственных данных, занимает особое положение по отношению к опыту, и абсолютно правильно говорить, что мы не можем знать факты второго и третьего высказывания так же, как мы знаем факты первого, но из этого не следует, что доказательство второго и третьего высказывания будет в некотором смысле ошибочным» [Kneale, 1945, p. 158]. Все три высказывания, говорит Нил, вполне можно обосновывать с помощью одного и того же опыта, а не разного, как считает Маккиннон.

Маккиннона интересует, можно ли установить *общие условия*, которые удовлетворялись бы всякий раз, когда высказывание обосновывается с помощью опыта. Но при этом он рассматривает лишь *специальные условия* высказываний об эмпирических фактах, выраженных в разной лингвистической терминологии, например, в терминах материальных объектов или в терминах чувственных данных. К общим условиям они, очевидно, не относятся. К таким условиям, полагает Нил, следовало бы отнести такую «сентенциальную форму», которая необходимо присутствует в любой терминологии, с помощью которой выражаются высказывания об эмпирических фактах, как субъектно-предикатная структура [Ibid., p. 159]. То есть высказывания об эмпирических фактах, выраженные соответствующими предложениями, необходимо обладают субъектно-предикатной структурой. Но у такого подхода есть определенные ограничения. Его нельзя распространить на все виды высказываний об эмпирических фактах, и в этом с Нилом следует согласиться. Субъектно-предикатной структурой обладают в основном атрибутивные суждения, выраженные повествовательными предложениями, в отличие, например,

от реляционных суждений, имеющих иную структуру. Таким образом, эта «необходимая категория», хотя и может рассматриваться как общее условие обоснования эмпирического высказывания, но универсальным условием оно не является.

Все дело в том, считает Нил, что эвиденциализм Маккиннона не является версией верификационистской теории. В лучшем случае это способ обосновать высказывание с помощью опыта, который «оправдывал бы его использование». Но обоснование высказывания не предполагает его истинностную оценку. Оно лишь его оправдывает. Вот почему Нил настаивает на том, что участники дискуссии просто по-разному понимают, что такое верификация.

Заключение

Итак, принцип верификации, разработанный логическими позитивистами и предназначенный для очищения философии от метафизики и «бессмыслицы», в истории философии рассматривался по меньшей мере в двух версиях. Первую можно условно называть «редукционистской версией» (РВ), которая в свою очередь имела две формулировки:

РВ₁: *Значение высказывания есть способ его верификации* (Вайсман, Нил)

РВ₂: *Значение высказывания есть его доказательство* (Маккиннон)

Вторую можно называть «критериальной версией» (КВ):

КВ: *Высказывание является осмысленным, если и только если оно непосредственно или опосредованно верифицируемо* (Карнап [Carnap, 2003, pp. 301–343]).

Эта версия, отвергая редукционизм, была основана на идее «предложений наблюдения», которые должны выражать «прямые» или «непосредственные» доказательства, полученные от органов чувств.

РВ₁ была наиболее известной и весьма простой формулировкой принципа верификации. Она исходила из того, при каких условиях высказывание имеет значение, и как установить его истинность или ложность. Второе предполагало первое – чтобы установить истинность или ложность высказывания, надо знать его значение. Если же установить условия истинности невозможно, то высказывание признавалось бессмысленным. РВ₂ была основана на том, что если высказывание означает не что иное, как его доказательство, его можно

перевести в серию высказываний, выражающих это доказательство. В качестве наиболее подходящего примера рассматривалось высказывание о материальных объектах, которое, как предполагалось, можно перевести в серию высказываний о чувственных данных. Но здесь обнаружилось по меньшей мере два затруднения. Во-первых, выяснилось, что такой перевод чрезвычайно длинный и трудоемкий, а во-вторых, возникали сложности со способами выражения чувственных данных, поскольку обыденный язык оказался совершенно не приспособленным для подобного рода описания. Но несмотря на все это, считалось, что такой перевод завершить «в принципе» возможно. Теоретически этому ничто не препятствует. Но Вайсман показал, что это не так. С помощью понятия «открытой текстуры» он доказал, что это сделать невозможно из-за «существенной неполноты» описания и определения эмпирических понятий.

Критериальная версия принципа верификации казалась более обнадеживающей, поскольку позволяла избежать ловушек редукционизма. Но и она вызвала критику. Во-первых, в такой формулировке принцип верификации, на что указывал еще А. Айер, не исключает некоторых метафизических и даже бессмысленных высказываний, вроде «Абсолют ленив» [Айер, 2010, с. 23]. Во-вторых, такие понятия, как «предложения наблюдения», «непосредственные» или «прямые» доказательства, полученные от органов чувств, и чувственные данные, сами требуют серьезного уточнения. И даже если эти критические замечания не опровергали КВ полностью, они настолько ослабили привлекательность принципа верификации, что он растерял почти всех своих сторонников. А те, что остались, были вынуждены занять «слабую позицию», или, словами Айера, придерживаться «слабого принципа верификации», который требует только того, чтобы утверждение о наблюдении O могло иметь некоторое отношение к определению истинности или ложности высказывания S [Там же, с. 53].

Несмотря на критику редукционистской и критериальной версий принципа верификации, попытки его реабилитировать все же предпринимались, и некоторые из них оказались весьма успешными, например, подход Дж. Одела и Дж. Зартмана [Odell, Zartman, 1982] или Т. Юбеля [Uebel, 2019]. Но это уже предмет другого исследования. Историко-философский анализ симпозиума 1945 г. интересен не только тем фактом, что подход Маккиннона к верификации был основан на метафизике факта, а Вайсмана и Нила – на семантической специфике эмпирических понятий («открытая текстура» и контекст употребления) и на истинностной оценке эмпирических высказываний, и что состоявшаяся дискуссия не изменила взглядов оппонентов. После симпозиума Маккиннон продолжил придерживаться метафизической трактовки верификации как чувственно воспринимаемого события [MacKinnon, 1974; MacKinnon, 1977], Вайсман переключо-

чился на развитие своей теории многоуровневой структуры языка [Waismann, 1961; Вайсман, 2018], а Нил направил все свои усилия на написание совместной с Мартой Нил книги “The Development of Logic” [Kneale, Kneale, 1962]. Более важен другой факт, что современное обсуждение верифицируемости в некотором смысле производно (или отталкивается) от того, как она понималась Венским кружком и его критиками. А значит, обращение к верифицируемости с каких бы то ни было позиций сегодня кажется затруднительным без существенного переосмысления этого понятия, предпринятого участниками симпозиума 1945 г., и без учета выводов, которые они сделали.

Список литературы

Айер, 2010 – Айер А.Дж. Язык, истина, логика / Пер. с англ. В.А. Суровцева и Н.А. Тарабанова. М.: Канон+, 2010.

Вайсман, 2018 – Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / Пер. с англ. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева // Эпистемология и философия науки. 2018. № 4 (55). С. 219–230.

Витгенштейн, 2017 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М.: Канон+, 2017.

Оглезнев, Суровцев, 2018 – Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблемах редукционизма // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 206–218.

References

Ayer, 1937 – Ayer, A.J. “Verification and Experience”, *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1937, vol. 37, no. 1, pp. 137–156.

Ayer, 2010 – Ayer, A.J. *Язык, истина, логика* [Language, Truth, Logic], transl. by V.A. Surovtsev & N.A. Tarabanov. Moscow: Kanon+, 2010. (Trans. into Russian)

Baylis, 1947 – Baylis, Ch.A. “Friedrich Waismann’s Verifiability”, *The Journal of Symbolic Logic*, 1947, vol. 12, no. 3, pp. 101–102.

Bowyer, 2021 – Bowyer, A. *Donald MacKinnon’s Theology: To Perceive Tragedy Without the Loss of Hope*. London: T&T Clark, 2021.

Carnap, 2003 – Carnap R. *The Logical Structure of the World and Pseudoproblems in Philosophy*. Chicago: Open Court, 2003.

Kneale, Kneale, 1962 – Kneale, W., Kneale, M. *The Development of Logic*. Oxford: Clarendon Press, 1962.

MacKinnon, 1991 – MacKinnon, D. “Ayer’s Attack on Metaphysics”, *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 1991, vol. 30, pp. 49–61.

MacKinnon, 1974 – MacKinnon, D. *The Problem of Metaphysics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

MacKinnon, Waismann, Kneale, 1945 – MacKinnon, D., Waismann, F., Kneale W. “Symposium: Verifiability”, *Proceedings of the Aristotelian Society*, Supplementary Volumes, 1945, vol. 19, pp. 101–164.

Odell, Zartman, 1982 – Odell, J.S., Zartman, J.F. “A Defensible Formulation of the Verification Principle”, *Metaphilosophy*, 1982, vol. 13, no. 1, pp. 65–74.

Ogleznev, Surovtsev, 2018 – Ogleznev, V.V., Surovtsev, V.A. “Fridrih Vajsman o mnogourovnevoj strukture jazyka i problemah redukcionizma” [Friedrich Waismann on Many-Language-Structure of Language and Problems of Reductionism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 206–218. (In Russian)

Sedgwick, 2005 – Sedgwick, P. “Anglican Theology”, in: D.F. Ford and R. Muers (eds). *The Modern Theologians. An Introduction to Christian Theology Since 1918. Third Edition*. Oxford: Basil Blackwell, 2005, pp. 178–193.

Shapiro, 2006 – Shapiro, S. *Vagueness in Context*. Oxford: Clarendon Press, 2006.

Uebel, 2019 – Uebel, T. “Verificationism and (Some of) its Discontents”, *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 1–31.

Waismann, 1961 – Waismann, F. “Language Strata”, in: A. Flew (ed.). *Logic and Language: Second Edition*. Oxford: Basil Blackwell, 1961, pp. 11–31.

Waismann, 1977a – Waismann, F. “A Logical Analysis of the Concept of Probability (1930)”, in: B.F. McGuinness (ed.). *Friedrich Waismann – Philosophical Papers*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1977, pp. 4–21.

Waismann, 1977b – Waismann, F. “Hypotheses (1936)” in: Brian F. McGuinness (ed.). *Friedrich Waismann – Philosophical Papers*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1977, pp. 38–59.

Waismann, 2018 – Waismann, F. “Mnogourovnevaja struktura jazyka” [Many-Language-Structure of Language], transl. by V.V. Ogleznev & V.A. Surovtsev, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 219–230. (Trans. into Russian)

Wittgenstein, 2017 – Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], transl. by I.S. Dobronravov & D.G. Lahuti. Moscow: Kanon+, 2017. (Trans. into Russian)